

УДК 81

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КАЛАМБУРА КАК ФИГУРЫ РЕЧИ (на материале французского языка)

А. В. Темноху́д

преподаватель кафедры
романских языков
Белорусского государственного
экономического университета

Проблема определения четких границ и изучения природы таких явлений, как языковая игра, игра слов и каламбур остается актуальной.

До сих пор не найдено однозначного ответа на вопрос об этимологии термина "каламбур", и, как следствие, – различные гипотезы его происхождения, основные из которых изложены в данной статье.

В статье предлагается новый подход к решению данной задачи.

Ключевые слова: каламбур, игра, игра слов, языковая игра, речевой жест, нестандартная ситуация, косвенный смысл.

Введение

Лингвистические понятия *языковая игра, игра слов, каламбур* всегда вызывали активный интерес исследователей. Попытки определить их природу и границы имели место еще в античных трактатах об ораторском искусстве. Именно со времен античности до наших дней данные языковые явления чаще всего рассматриваются как средство выражения комического. С этих позиций они изучаются в рамках философии, логики, эстетики, психологии, литературоведения.

Интерес к проблеме комического объясняется тем, что во все времена смех был и остается "грозным оружием". Н.В. Гоголь писал: "Насмешки боится даже тот, который уже ничего на свете не боится" [1, с. 33]. Владение этим "оружием" не безразлично для человека, если возникает необходимость воздействовать на адресата, повлиять на него своим остроумием, на что-то намекнуть или быстро среагировать (возразить адресанту, оценить игру слов, воспринять или не воспринять его намек и т. д.).

В широком понимании языковая игра – "один из способов современной коммуникации, необходимыми элементами которой являются как минимум два участника – адресант и адресат речи" [2, с. 198] – используется для достижения "надъязыкового, эстетического, художественного (чаще всего – комического) эффекта" [3, с. 37]. Н.Д. Арутюнова, например, к языковой игре относит каламбуры (*calembours*), разного рода шутки (*sottises, sigles, pataquès, acronymes etc.*), пародии (*parodies, faux proverbes, fausses citations*), паронимы (*paronymes, à-peu-près*), остроты (*mots d'esprit*) и т. д. [4, с. 8].

Многоаспектность целевых проявлений языковой игры поднимает вопрос о ее границах. Кроме названных, в нее включают загадки (*devinettes*), прибаутки (*blagues*), считалки (*comptines*), скороговорки (*virelangues*), сознательное "коверканье" языка (*mots inventés*), карикатуры (*caricatures*), голорифмы (*holorimes*), криптограммы (*criptogrammes*), распад и обновление значений устойчивых выражений и фразеологизмов (*locutions*), хронограммы (игра букв и цифр) (*chronogrammes, centons*), памфлеты (*pamphlets*) и многие другие. При этом языковая игра должна быть красивой: именно в "красоте" отражается ее "правда", ее "право на существование" [5, с. 7].

Вместе с тем, несмотря на постоянное внимание лингвистов к самому феномену языковой игры, вопросы, связанные со способами ее формирования и целевого использования разной природой и границами основных терминологически разных понятий *языковая игра, игра слов и каламбур*, остаются на повестке дня и продолжают вызывать дискуссии.

В статье *каламбур* рассматривается как один из наиболее ярких видов *языковой игры*, а *игра слов* представляет собой основу формирования данной фигуры речи.

Основная часть

До сих пор не найдено однозначного ответа на вопрос об этимологии термина *каламбур*, и, как следствие, – различные гипотезы его происхождения. Есть предположение, что впервые само слово "каламбур" было употреблено Д. Дидро в его

письме от 1 октября 1768 г., адресованном Софи Воланд, однако его происхождение в письме не раскрывается. Как термин *каламбур* представлен в Приложении к Энциклопедии 1777 г., где и отмечается, что этимология этого слова неизвестна, и о Дидро нет никакого упоминания [6].

Другая гипотеза связывает происхождение термина с фамилией немецкого графа Каленберга (Kahlenberg), посла Германии в Париже. Граф говорил по-французски с сильным акцентом, вследствие чего его речь становилась предметом всеобщих насмешек. Собеседники посла, с трудом понимавшие его слова, из вежливости не решались переспросить, о чем идет речь, и интерпретировали сказанное как могли. Этот факт породил массу историй и шуток, которые передавались из уст в уста и вызывали всеобщий интерес. К этому следует добавить, что в XVIII в. в написании французского слова *Calembour* допускалась начальная буква *K*, что может косвенно указывать на немецкое происхождение данного термина (по фамилии графа – Kahlenberg).

Каламбур вполне мог употребляться как неясная речь говорящего и вызывать тем самым улыбку или смех как реакцию адресата на вопрос в латинском языке:

Ave, Ave! Aves esse aves? – “Salut, grand-père! Veux-tu manger des oiseaux?” [7, с. 164].

Этимологию слова *calembour* связывают с итальянским *calamojo* ‘чернильница’ и *burlare* ‘шутить’ [6], что тоже предлагается в качестве гипотезы.

В “Этимологическом словаре французского языка” А. Доза [8] “темное” происхождение термина находит следующее объяснение: *calembour – origine obscure: l’explication par l’abbé de Calenberg, personnage de contes allemands créé après coup (plus tard); rapport probable avec bourde*. То есть косвенно подтверждается немецкое происхождение данного термина (Каленберг – герой немецких шуток) и его связь с французским именем существительным *bourde* ‘глупость’, ‘чепуха’.

Наконец, “Большой толковый словарь иностранных слов” содержит следующую гипотезу об этимологии слова *calembour* [фр. *calembour*] – игра слов; вероятное

образование: из гр. *kalos, kale* – прекрасный и фр. *bourde* – чепуха, ерунда [9]. Как видим, отмечено французское происхождение указанного слова. Поэтому в конце XVIII в. *calembour* был признан словом французского языка (хотя до сих пор его этимология остается загадкой).

Неясность этимологии термина объясняет неясность его назначения, что породило (и продолжает порождать) самые различные мнения и противоположные оценки значимости *каламбур*. Как социальный феномен он не всегда вызывал положительную реакцию в любом обществе. На протяжении столетий к данной фигуре речи относились негативно в силу разных причин.

Во-первых, *каламбур* как невольная двусмысленность – фонетическая, семантическая неоднозначность – затрудняет коммуникацию: в “серьезном речевом общении каламбуры далеко не всегда желательны, иногда они – неожиданные и нежелательные гости, за которых говорящие даже извиняются <...>” [10, с. 511].

Нередко “невольный комизм” вызывает не просто негативную реакцию со стороны адресата, но и более резкую, приводящую к конфликту сторон. В. Гюго, например, сравнивал *каламбур* с “пометом мысли, которая парит”: “*Le calembour est la fiente de l’esprit qui vole*” [11].

Каламбур относят к “дешевому” языковому приему игры слов (З. Фрейд), так как не требуется особых усилий для его создания, поскольку он строится лишь на двух словах с одинаковым звучанием: “Они (каламбуры) предъявляют минимум требований к технике выражения, в то время как настоящая игра слов предъявляет максимум требований” [12, с. 46]. З. Фрейд разделял позицию немецкого философа К. Фишера, который детально изучал *каламбур* и предлагал резко его отграничить от игры слов по другим причинам: “*Каламбур* – это неудачная игра слов, потому что он играет словом не как словом, а как созвучием. Игра же слов переходит от созвучия слова в само слово” [13, с. 47].

Во-вторых, *каламбур* подвергался осмеянию и критике, так как считался признаком просторечия и языка необразованных людей: “*Le calembour est ramassé*

*parmi les boues des Halles et de la place Maubert*¹ (Мольер) [14, с. 163].

Многие известные личности прошлых столетий, особенно XVIII в., выражали свое негативное отношение к каламбуру – “модному” лингвистическому приему эпохи, считая его проявлением низких свойств юмора и свидетельством недостатка ума: “*Le calembour est l'esprit de ceux qui n'en ont pas*” (Ourry) [14, с. 164].

Аббат Жак Делиль (Jacques Delille – 1738–1813) в стихотворной форме критически высказался в адрес каламбура, признав его проявлением человеческой глупости:

Le calembour, enfant gâté

Du mauvais goût et de l'oisiveté

Qui va guettant, dans ses discours baroques

De nos jargons nouveaux les termes équivoques,

Et, se jouant des phrases et des mots,

D'un terme obscur fait tout l'esprit des sots [цитата по 14, с. 163]².

Такое отрицательное отношение к каламбурам обусловлено фактом его использования в просторечии, языке необразованных людей, которые, естественно, не думали о “человеческом духе” в момент непроизвольного создания какого-либо негативного смысла.

Однако подобное отношение к каламбуру не повлияло на его активное использование во всех современных языках и в самых разных сферах человеческой деятельности (и в речи аристократов и простолюдинов, и в дипломатии, и в художественных текстах и т. д.). Поэтому есть и положительное мнение об этой фигуре речи. Жан-Клод Карьер (Jean-Claude Carrière), французский сценарист, весьма позитивно оценивает роль каламбура: “*C'est un exercice salutaire, car la liberté de la langue précède souvent la liberté de l'esprit. En coupant, en torturant,*

en assemblant des mots que rien n'appelait à s'unir, on découvre un rire nouveau” [15, р. 164]³. Ж.-К. Карьер делает акцент на том, что каламбур – это “полезное упражнение” (*un exercice salutaire*) для развития ума человека, для его настроения. Он вызывает совсем другой смех (*on découvre un rire nouveau*).

Таким образом, “полезное” (следовательно, нужное) умственное упражнение жизненно присуще человеку: язык часто опережает мысль, а эксперименты со словами доставляют естественное удовольствие говорящему субъекту.

Итак, термин *calembour*, несмотря на “темное” происхождение, признан и зафиксирован в словаре французского языка (XVIII в.). Однако он до сих пор остается “темным” не только этимологически, но и по своему назначению, которое отличало бы его от других видов игры слов. Поэтому проблема поисков источника происхождения *calembour* во французском языке, способного эксплицировать его исходную (истинную) языковую сущность, остается до настоящего времени актуальной.

Проблема появления этой фигуры речи требует и выяснения специфики ее отличия от других видов словесной игры, что также остается актуальным до настоящего времени. И чтобы эксплицировать истинную (исходную) языковую сущность каламбура, необходимо обратиться к реальному источнику – его первому переводу с латинского библейского текста⁴ на французский язык⁵.

Выполненный в XIII веке во Франции в период правления короля Людовика IX

³ “Это полезное упражнение, поскольку свобода языка часто предшествует свободе ума. Сокращая, “терзая”, объединяя слова, которые совсем не предназначены для объединения, мы неожиданно получаем новый смех”. (Перевод наш. – Т.А.)

⁴ Необходимо подчеркнуть, что цитируемое изречение на латинском языке есть, в свою очередь, перевод с греческого библейского стиха. В данной статье для обозначения библейского стиха используется термин *латинское изречение*.

⁵ “On a coutume de citer comme premier calembour: *Tu es Pierre et sur cette pierre je bâtirai mon église* <...>” [16] “Принято цитировать в качестве первого каламбура: *Ты Петр и на сем камне Я создам Церковь Мою* <...>”.

¹ Ле Аль – квартал 1-го округа Парижа, в котором до 1969 г. размещались торговые ряды.

² О, каламбур, испорченный ребенок,
Бездельник, у которого нет вкуса,
В своих возвышенных речах барокко
Умело маскирует экивоки,
Словами, фразами играет,
Прозрачный смысл их затемняет,
Тем самым всех глупцов он привлекает.
(Перевод наш. – Т.А.)

Святого (Saint Louis), внука Филиппа II, в период между 1226 и 1250 годами профессорами Парижского университета [16] перевод:

*Tu es Pierre et sur cette pierre. Je bâtirai mon Eglise, et que les portes du séjour des morts ne prévaudront point contre elle*⁶ [17] (Mt XVI : 18)

означает:

‘Ты – Петр⁷ и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее’ (Мф 16:18)

и передает обращение одного персонажа к другому – Иисуса к рыбаку Симону:

Tu es Petrus et super hanc petram Ecclesiam meam aedificabo [14, с. 164].

Следует иметь в виду, что французский язык относится к группе романских языков, получивших свое развитие на основе латинского. Роль латинского языка в процессе романизации по-разному отразилась на создании грамматической системы родственных языков. Морфологическая система французского языка, в отличие от итальянского или испанского, оказалась наиболее аналитичной. Уже в старофранцузском языке наблюдается отсутствие системы парадигм склонения: “Показательно, что англо-романский автор “Жития Эдуарда Исповедника” в 1245 г. пожаловался именно на незнание падежей” [18, с. 136].

Практически в IX–X вв. склонение как система французского языка уже отсутствует. Среднефранцузский язык именной флексии почти не знает; а в XVIII в. у существительных больше нет флективных как системных, парадигматических показателей грамматических категорий.

Поэтому вполне естественно, что первый перевод с латинского языка на французский есть, прежде всего, *переход* одной лингвистической системы в другую, т.е. в данном случае является результатом развития аналитической системы французского языка. Эта закономерность и нашла свое отражение в оформлении раз-

ных падежных окончаний двух латинских существительных *Petrus / petram* неизменяемой формой *Pierre / pierre* во французском языке.

Вместе с тем перевод, полученный с латинского на французский язык, неожиданно производит комический эффект. Иначе говоря, первая реакция восприятия фонетического и графического оформления французских слов *Pierre* и *pierre* (*Камень* и *камень*) вызывает невольную улыбку.

Но тут же возникает и недоумение по поводу серьезности содержания того же латинского высказывания.

Такое расхождение восприятия “эффекта” с целевой направленностью торжественно важного действия латинского изречения послужило причиной отнесения “подобной нелепости (глупости, ошибки)” к числу “нежелательных гостей”, т. е. к *каламбур*.

Возникшее “историческое недоразумение” семантического и комического порядка – следствие первого перевода латинского изречения на французский язык – вызвало к случайной контрастности каламбура не просто негативное отношение, но и резкую отрицательную реакцию. В. Гюго, например, сравнил *каламбур* с “пометом мысли, которая парит”: “*Le calembour est la fiente de l’esprit qui vole*” [14].

Но именно неожиданность возникшего комического эффекта перевода ключевого высказывания определяет термин *каламбур* (*calembour*) – шутка, нечто нелепое, смешное, что указывает и на его связь с греч. *kalos, kale* – ‘прекрасный’ и с французским именем *bourde* – ‘забавная чепуха’, ‘глупость’, ‘ошибка’. Можно отметить, что этимологически термин *calembour* – результат соединения его греческого “источка” и его конечного французского завершения: *kale + bourde* → *calembour*.

Вместе с тем такой “эффект” дважды переведенного высказывания (с греческого на латинский, с латинского на французский) неизбежно вызывает потребность эксплицировать сущность каламбура как понятия, истинное содержание которого раскрывается в латинском изречении. А смысл последнего есть *нарекание* (Иисусом) *рыбака Симона* своим учеником – апостолом Петром.

⁶ “*Les paroles de Jésus dans ce passage peuvent donc être interprétées comme un simple jeu de mots <...>*” [17, с. 1418] ‘Слова Иисуса в этом отрывке могут быть интерпретированы просто как игра слов <...>’.

⁷ Камень (сноска в Библии: Мф 16:18). Связь *Pierre* и *pierre* явно передается через указательный детерминатив *cette – cette pierre*.

“Камнем преткновения” французского высказывания становится столкновение семантики *Pierre* и *pierre*: “du latin *pētra* (“roche, rocher”), lui-même repris du grec ancien πῆτρα, *pētra*” [8] – ‘от латинского *pētra* (“камень, скала”), заимствовано из древнегреческого πῆτρα: “*Jésus fait un jeu de mots avec Petra qui signifie “rocher” <...>*” [17, с. 1418] ‘Иисус создает игру слов с *Petra*, которое означает *камень*’.

В латинском изречении *petrus* ‘камень’ символизирует *petrus vivus* ‘живой камень’ – крепкий “фундамент дома” – внутреннего мира. Ср.:

“*C’est pourquoi, quiconque entend ces paroles que je dis et les met en pratique, sera semblable à un homme prudent qui a bâti sa maison sur le roc*” [17] (Mt 7:4)

‘Итак, всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне’ (*Le roc* является синонимом *la pierre* [19]) (Мф 7:24; Лк 6:47–48);

Символизация имени *petrus* / *pierre* / *камень* – верность, обоснованность, надежность, прочность становятся семантическим стержнем назначения латинского изречения.

Наречение Симона Камнем *Petrus* / *Pierre* с большой буквы (графическим показателем имени собственного) свидетельствует, во-первых, об обращенности к конкретному человеку, во-вторых, – как сильному, надежному живому Камню.

Наречение рыбака Симона Камнем не просто замена одного имени другим. Имеет место особая церемония – возведение в новый статус рыбака Симона – статус живого камня, что, в свою очередь, включает:

1) **прямое речевое действие**: посвящение рыбака Симона в ученика Иисуса – апостола Петра / Камня (*Tu es Pierre* ‘Ты – камень’);

2) **косвенное речевое действие** – косвенное наставление ему на будущее (*Et sur cette pierre, Je bâtirai mon Eglise* ‘И на сем камне Я построю Церковь Мою’). Последнее есть возложение на Петра апостольской миссии: *et que les portes du séjour des morts ne prévaudront point contre elle* ‘и врата ада не одолеют ее’.

Осуществить такое (двунаправленное) речевое действие – значит, соотнести

высказывание / каламбур с конкретной целенаправленной экстралингвистической ситуацией (действительностью), трансформирующей его – каламбур – в изречение (*locution*) как “выражение коммуникативной цели в ходе произнесения некоторого высказывания” (Остин) [20, с. 414]. А результат – оказать воздействие на сознание (поведение) адресата / читателя.

В данном случае таким “некоторым высказыванием”, представляющим *особое речевое действие*, является анализируемое латинское изречение:

1) наречение Симоном Петром есть **прямое действие** – *посвящение рыбака в ученика – апостола* (реальная экстралингвистическая ситуация);

2) **косвенное речевое действие** – *наставление на будущее* – *возложение на Петра миссии апостола* как поручение, указание на его апостольское служение. Например: “<...> *ce que tu lieras sur la terre sera lié dans les cieux, et ce que tu délieras sur la terre sera délié dans les cieux*” [17] (Mt 18:18) ‘<...> что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах’ (Мф 18:18).

Экспликация в предлагаемом исследовании окказиональности порождения игры слов каламбура именно во французском языке имеет в своей основе фактор подчинения (при переводе) правил системы одного языка (латинского) правилам другого (французского). Доказательством соответствия проводимого анализа закономерностям французского языка является и то, что в дефинициях термина и понятия *calembour* в других языках отмечается неясность его этимологии со ссылкой на французское происхождение – (каламбур – фр. *calembour*) [21]. Ср.:

В немецком языке:

Calembour. Der calembourg, franz. veralet für wortspiel [22];

В испанском языке:

Calembur – (fr. Calembour). Juego de palabras, artificio, dicho equívoco [23];

В португальском языке:

Calembur – Etimologia: francês calembourg [24];

В итальянском языке:

Calembour – (fr. /kalã'burl/) s. m. inv. gioco

di parole, bisticcio, doppio senso, anfibologia [25].

Таким образом, каламбур, получив статус понятия, присущего различным языкам, тем не менее сохраняет свое лингвистическое “первородство” – французский язык.

Исследование игры слов на материале каламбура французского языка базируется, прежде всего, на известном факте, имеющем место в истории развития именно этого языка. Несмотря на то что в основу анализа берется окказиональность / случайность порождения контрастности латинского изречения и французского каламбурного, игрового высказывания, акцент ставится на невозможности отрицания того, что “случилось, произошло в действительности” [26].

Об окказиональности в истории говорит Г. Гийом в связи с появлением артикля как случайного знака, но ставшего грамматической основополагающей закономерностью французского языка: “*La pensée a retenu le signe qui s’offrait par hasard, qui n’était encore qu’un accident quelconque et elle a su s’en servir pour des fins toujours souhaitées obscurément*” [27, с. 25] “Мысль запечатлела знак, который **появился случайно**, который был еще только неким случаем, и она сумела им воспользоваться с интуитивно желаемой целью”.

Непреднамеренно возникнув при переводе на французский язык, *игра слов* существенно меняет языковую природу латинского изречения. На первый план в переводе выходит речевое воздействие, вызывающее удивленное недоумение, улыбку адресата (форма оказывается первичной, содержание – вторичным). Прямое содержание французского высказывания, оформленное *игрой слов*, содержит косвенный смысл, который и требуется расшифровать, декодировать: содержание становится первичным, форма – вторичной.

Итак, случайно возникшая – при переводе латинского изречения на французский язык – игра слов оказалась закономерной для системы этого языка и эффективной для создания смысловой двуплановости высказывания – каламбура, т. е. **исходный** способ формирования каламбура – это игра двух одинаковых, но

семантически разных слов высказывания (*Pierre u pierre*).

Парадокс такого результата состоит в том, что:

1) игра слов, возникшая в ключевом высказывании непреднамеренно, оказалась “неудачной”, “неуместной” по отношению к торжественно-серьезному содержанию источника – латинского изречения, а поэтому невоспринимаемой в плане постижения его истинного смысла самого высказывания;

2) “неясность” / “неуместность” содержания, вызывая улыбку и интерес, закономерно оказывается словесной игрой говорящего субъекта, создающего “двойное значение, двоякий смысл” [26] как двуплановость высказывания;

3) необходимость декодировать двуплановость содержания завершается выявлением особого речевого действия говорящего субъекта – экспликацией прямого (в данном случае – посвящением рыбака в апостола) и косвенного – возложением апостольской миссии / наставлением на будущее.

Исторически окказиональная *игра слов* получает во французском языке законный статус фигуры речи *каламбур*.

Смысловая двуплановость каламбура (“неясность”, “абсурдность”, разные значения двух омонимов) требует от адресанта не только интеллектуальной деятельности: чтобы понять смысл, расшифровать двойное речевое действие адресанта, адресат должен знать экстралингвистическую ситуацию или догадываться о ней.

Так, например, в следующем игровом контексте речь идет об особом историческом периоде Франции – периоде фашистской оккупации времен Второй мировой войны. Т. Бернар (Tristan Bernard 1866–1947), французский писатель, автор бульварных романов и юмористических пьес, как и многие евреи, был вынужден укрываться от антисемитских действий временного правительства в свободной зоне на Лазурном берегу.

Sacha Guitry, qui n’oubliait pas qu’il avait été un grand ami de son père, s’entremet aussitôt pour lui faire parvenir des colis. Il s’enquit de savoir ce qu’il pouvait lui envoyer.

‘Саша Гитри, который не забывал, что был большим другом отца Тристана, сразу

Возникнув окказионально, каламбур получает статус фигуры речи любого языка, сохраняя при этом свое "французское первородство".

**СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ
ИСТОЧНИКОВ**

1. **Виноградов, В. В.** Язык Гоголя и его значение в истории русского литературного языка / В. В. Виноградов // Материалы и исследования русского литературного языка. – Москва : Изд-во АН СССР, 1953. – Т. 3. – С. 33–34.
2. **Якобсон, Р. О.** Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм “за” и “против”. – Москва : Прогресс, 1975. – С. 193–230.
3. **Норман, Б. Ю.** Язык: знакомый незнакомец / Б. Ю. Норман. – Минск : Высшая школа, 1987. – 222 с.
4. **Арутюнова, Н. Д.** Виды игровых действий / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры : сб. науч. ст. / Ин-т языкознания РАН ; редкол.: Н. Д. Арутюнова (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Индрик, 2006. – С. 5–15.
5. **Норман, Б. Ю.** Игра на гранях языка / Б. Ю. Норман. – Москва : Флинта : Наука, 2006. – 344 с.
6. Электронный энциклопедический словарь “Википедия”. – Wikipedia // Encycl. en ligne [Ressource électronique]. – 2006. – Mode d'accès: <http://www.wikipedia.org>. – Date d'accès: 15. 09. 2008.
7. **Gagnière, C.** Pour tout l'or des mots: Au bonheur des mots / C. Gagnière. – Paris : Edition Robert Laffont, S.A., 1997. – 1066 p.
8. **Dauzat, A.** Dictionnaire étymologique de la langue française / A. Dauzat, G. Dubois, H. Mitterand. – Paris : Larousse, 1938. – 805 p.
9. Большой толковый словарь иностранных слов : в 3 т. / редкол.: М. А. Надель-Червинская [и др.]. – Ростов-н/Д : Феникс, 1995. – Т. 2. – 544 с.
10. **Санников, В. З.** Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Яз. славян. Культуры : Кошелев, 2002. – 552 с.
11. Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. – Paris : Dictionnaires Le Robert, 2001. – 2841 p.
12. **Фрейд, З.** Психология бессознательного / З. Фрейд // Сборник произведений. – Москва : Просвещение, 1990. – 447с.
13. **Фрейд, З.** Введение в психоанализ : лекции / З. Фрейд. – Москва : Наука, 1989. – 387 с.
14. **Gagnière, C.** Des mots et merveilles / C. Gagnière. – Paris : Edition Robert Laffont, S. A., 1997. – 566 p.
15. **Carrière, J.-C.** Humour 1900 / J.-C. Carrière. – Paris : Editions 1900, 2002. – 386 p.
16. Régine Detambel. – Conférences, ateliers, bibliothérapie // Propositions d'écriture [Ressource électronique]. – 2017. – Mode d'accès: <http://www.detambel.com> – Date d'accès: 31. 05. 2017.
17. La Sainte Bible avec commentaires de John MacArthur./ J. MacArthur. – Genève : Société Biblique de Genève, 1979. – 2302 c.
18. **Скрелина, Л. М.** История французского языка / Л. М. Скрелина, Л. А. Становая. – Москва : Высшая школа, 2001. – 463 с.
19. Le petit Larousse illustré 2002 (en couleurs). – Paris : Larousse / Vuf, 2001. – 1786 p.
20. Лингвистический энциклопедический словарь / Научно-редакционный совет издательства “Советская энциклопедия”, Ин-т языкознания АН СССР ; редкол.: В. Н. Ярцева [и др.]. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
21. **Гринева, Е. Ф.** Французско-русский словарь / Е. Ф. Гринева, Т. Н. Громова. – Справочное изд. – Москва : Русский язык, 1991. – 575 с.
22. Standardwerk Zur deutschen Sprache Herausgegeben vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. – Mannheim : Bibliographisches Instituts F.A. – Brockhaus AC, 1996. – 487 p.
23. Sitio declarado de Interés National. – Todo Tango // Diccionario Lunfardo [Ressource électronique]. – 2017. – Mode d'accès: <http://www.todotango.com/comunidad/lunfardo/calembur> – Date d'accès: 04.02.2017.
24. Priberam Dicionario. – Significato / Definição de calembur // Dicionário da Língua Portuguesa [Ressource électronique]. – 2017. – Mode d'accès: – Date d'accès: 04. 02. 2017.
25. Sinonimi e Contari. Terza edizione // Academic Dictionaries and Encyclopedias [Ressource électronique]. – 2010. – Mode d'accès: <http://www.enacademic.com> – Date d'accès: 15.12.2016.
26. **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – Москва : Азбуковник, 1999. – 944 с.
27. **Guillaume, G.** Le problème de l'article et sa solution dans la langue française / G. Guillaume – P. : Libr. Hachette, 1919. – 318 p.

Поступила в редакцию 20.10.2017 г.
Контакты: khatskevitch_@mail.ru
(Темнохуд Алеся Валерьевна)

**Temnohud A. ORIGIN OF PUN AS A
FIGURE OF SPEECH (regarding the French
language).**

The problem of defining clear boundaries of such phenomena as language game, word play and pun and the study of their nature remain urgent today.

The etymology of the term pun is still ambiguous, and as a consequence there exist different hypotheses of its origin, the main of which are described in this article.

The article proposes a new approach to the resolution of this problem.

Keywords: pun, play, word play, language game, speech gesture, non-standard situation, implication.